ВИТАЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ОГЛЕЗНЕВ

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9

E-mail: ogleznev82@mail.ru

SPIN-код: 3701-0936

ORCID: 0000-0003-0287-6543

DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-3-ogleznev

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ

Статья подготовлена в рамках поддержанного Советом по грантам Президента РФ научного проекта № МД-137.2020.6 «Теория определенности терминов юридического языка: логико-семантический и прагматический аспекты».

Аннотация. Немецкий философ права Лоренц Кэлер в своей статье «Значение нормативных оснований для формирования правовых понятий» предлагает весьма интересный для отечественной теории и философии права подход к нормативности. Л. Кэлер, рассматривая различные нормативные основания, которые имеют значение и влияют на формирование правовых понятий, выдвигает оригинальные и порой неожиданные выводы. С одной стороны, это можно отнести к особенностям авторского стиля изложения, но, с другой стороны, иногда кажется, что он намеренно провоцирует читателя на вопросы, вовлекая его в дискуссию. В подходе Л. Кэлера есть, как минимум, два аргумента, которые требуют серьезного уточнения и обсуждения. Во-первых, то, что все понятия, которые используются в правовых нормах, являются правовыми, и, во-вторых, то, что законодатель может использовать для раскрытия их содержания лексические, стипулятивные и реальные определения. Предлагаемые в данной статье контраргументы и критические замечания исходят из утверждений, что определение выступает одним из способов формирования правовых понятий и что вопрос о том, что понимается под понятиями, тесно связан с вопросом о том, какие именно определения законодатель может использовать. Это позволило прийти к следующим выводам. Во-первых, что при формулировании правовых норм могут использоваться неправовые понятия, правовые понятия и понятия закона, и это использование не влечет того, что все эти понятия становятся правовыми. Во-вторых, что для определения этих понятий трех видов определений (лексических, стипулятивных и реальных) явно недостаточно. Более того, не все эти определения, как выясняется, являются эффективными и продуктивными, и лишь некоторые из них имеют нормативный характер. Следовательно, требуется либо

расширение перечня определений, либо их существенная модификация с учетом специфики области применения.

Ключевые слова: определение, правовые понятия, понятия закона, язык права, естественный язык, семантика, Л. Кэлер

VITALY V. OGLEZNEV

Saint Petersburg State University

7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russian Federation

E-mail: ogleznev82@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0287-6543

DEFINITION AS A TOOL OF THE FORMATION OF LEGAL CONCEPTS

This paper was prepared within the framework of the scientific project No. MD-137.2020.6 "Theory of Determinacy of Legal Terms: Logico-Semantic and Pragmatic Approaches", supported by the Council for Grants of the President of the Russian Federation.

Abstract. In his paper "The Influence of Normative Reasons on the Formation of Legal Concepts", German legal philosopher Lorenz Kähler offers a very interesting approach to normativity for the Russian theory and philosophy of law. L. Kähler, considering various normative reasons that influence on the formation of legal concepts, puts forward original and sometimes unexpected conclusions. On the one hand, this can be attributed to the peculiarities of his writing style, but on the other hand, it sometimes seems that he deliberately provokes the reader to questions, involving him in a discussion. In L. Kähler's approach, there are at least two arguments that require serious clarification and discussion. First, the fact that all the concepts used in legal norms are legal, and, secondly, that the legislator can use lexical, stipulative and real definitions to disclose a content of these concepts. The counterarguments and criticisms offered in this article are based on the statements that the definition is one of the ways of forming legal concepts, and that the question of what is meant by concepts is closely related to the question of which definitions the legislator can use. This led to the following conclusions. First, that in the formulation of legal norms, non-legal concepts, legal concepts and concepts of the law can be used, and this use does not entail that all these concepts become legal. Second, that three types of definitions (lexical, stipulative, and real) are clearly not enough to define these concepts. Moreover, not all of these definitions can be effective and productive, and only some of them are normative in nature. Therefore, it is necessary either to expand the list

of definitions, or to significantly modify them in accordance with the specifics of the field of application.

Keywords: definition, legal concepts, concepts of laws, legal language, natural language, semantics, L. Kähler

I

Язык права в основном использует понятия и выражения, которые имеют широкое хождение в рамках обыденного языка, но, очевидно, не связывает с ними то весьма широкое содержание, которое предполагается обыденным словоупотреблением. В то же время язык права должен каким-то образом реагировать на семантическую проблематику, которая эти понятия и выражения сопровождает. Неопределенность, смутность и «открытая текстура» обнаруживаются в равной степени и у правовых понятий, доставляя языку права, пожалуй, даже бóльшие неудобства¹. Обыденный язык не обеспечивает язык права, а вместе с ним и закон, точными, ясными и однозначными понятиями, поэтому семантические дефекты понятий обыденного языка не просто неблагоприятно сказываются на формировании самих правовых понятий, но значительно препятствуют раскрытию сущности права и реализации его социального назначения. А значит, нужны такие инструменты, которые будут способны элиминировать эти дефекты и, как результат, обеспечить нормативность права. Одним из таких инструментов вполне могло бы стать определение, понимаемое как одно из средств формирования правовых понятий. Каким образом формируются правовые понятия? Какие средства для этого наиболее приспособлены? Есть ли нормативные основания у определений правовых понятий? И как эти нормативные основания установить? На эти и другие вопросы пытается ответить немецкий философ права Лоренц Кэлер в своей статье², перевод на русский язык которой публикуется в настоящем номере.

Л. Кэлер демонстрирует интересный для отечественной теории и философии права подход к нормативности, но весьма распространенный и даже в некотором смысле традиционный для англо-американской юридической науки. Характерной особенностью данного

¹ См.: Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия права: юридический язык как предмет исследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 5(322). С. 180.

² Kähler L. The Influence of Normative Reasons on the Formation of Legal Concepts // Concepts in Law / Ed. by J. Hage, D. von der Pfordten. Springer, 2009. P. 81–97.

подхода является понимание и объяснение нормативности с помощью понятия основания для действия (*reasons for action*), посредством которого оказывается возможным не только отличить нормативность права от морали, но и проинтерпретировать право как практическое основание — поступать правильно означает поступать обоснованно³. Вопрос о том, насколько подход Л. Кэлера в этом отношении эффективен, т.е. позволяет ли он наилучшим образом объяснить нормативность права, следует оставить на суд читателя. Но так как анализируемая статья рассматривает не столько природу нормативности, сколько значение и влияние нормативных оснований на формирование правовых понятий, следует обратиться к анализу прежде всего двух аргументов автора, которые, на мой взгляд, являются необходимыми основаниями его подхода и которые требуют особого внимания и серьезного уточнения. Во-первых, то, что «под правовыми понятиями понимаются все понятия, которые используются в правовых нормах»⁴, и, во-вторых, то, что для определения правовых понятий «законодатель, как правило, может воспользоваться лексическими, стипулятивными (*stipulative*) или реальными определениями»⁵.

II

Чтобы обосновать тезис, что нормативные основания влияют, устанавливают, задают как содержание правовых понятий, так и сам процесс их определения, и в конечном счете формирования, Л. Кэлер использует очень интересный прием, который часто применяется в логике и математике, *contradictio in contrarium*: доказательство утверждения через опровержение отрицания этого утверждения. Но само формирование правовых понятий Л. Кэлер почему-то оставляет без должного внимания, хотя, как представляется, именно с этого следовало бы начать. Достаточно сложно оценить значение нормативных оснований для формирования правовых понятий без предварительного рассмотрения того, как эти понятия формируются. И вот здесь вопрос определения становится крайне важным: с одной стороны, определение выступает одним из способов формирования правовых понятий, но, с другой стороны, оно иногда может накладывать огра-

³ См., например: MacCormick N. *Practical Reason in Law and Morality*. Oxford, 2008.

⁴ Kähler L. *Op. cit.* P. 83.

⁵ Ibid. P. 88.

ничения (прежде всего, лингвистические) на это формирование, особенно когда речь идет о разработке новых правовых понятий. Но что автор понимает под определением? Можно ли считать определения правовых понятий нормативными основаниями их формирования? Или же некие нормативные основания каким-то образом детерминируют, какое определение следует использовать? И наконец, какое определение будет наиболее подходящим для раскрытия содержания правовых понятий?

Прежде чем прояснить позицию Л. Кэлера по этим вопросам, надо сначала разобраться с тем, что он понимает под правовыми понятиями. Его ответ весьма прост: «Под правовыми понятиями понимаются все понятия, которые используются в правовых нормах»⁶. С этим утверждением сложно согласиться. Не все понятия, которые могут использоваться в нормативных правовых актах, становятся по этой причине правовыми. Например, ст. 5 Лесного кодекса РФ, несмотря на характерное название «Понятие леса», гласит: «Использование, охрана, защита, воспроизводство лесов осуществляются исходя из понятия о лесе как об экологической системе или как о природном ресурсе». Очевидно, что это определение, являясь неполным и незавершенным, не раскрывает содержания понятия леса и не делает это понятие правовым. Правоприменение здесь неизбежно будет сталкиваться с необходимостью переопределения этого понятия и расширения его содержания, которое все равно будет опираться или учитывать понимание леса, принятое в исследованиях по экологии или лесоводству. Не говоря уже о таких понятиях, как жизнь, свобода, равенство, справедливость, которые часто встречаются в текстах законов, но не становятся по этой причине правовыми. Подобного рода *неправовые*, общеупотребимые понятия, как правило, используются в их устоявшемся понимании, т.е. с тем содержанием, которое закрепилось в обыденном, неправовом словоупотреблении. Они редко нуждаются в определениях. Но если же в законах они приобретают иное, отличное от обыденного содержание, то новое определение просто необходимо. Это не относится к понятиям, которые имеют исключительно правовой характер, как, например, собственность, правоотношение, субъективное право, что А. Росс назвал «системными терминами»⁷.

⁶ Kähler L. Op. cit. P. 83.

⁷ См.: Оглезнев В.В., Суrowцев В.А. Альф Росс об определении в юридическом языке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 231.

Эти *правовые понятия* не обозначают некие факты, соответствующие нормам, они имеют исключительно логическую функцию — установить методическое соответствие между дизъюнктивным множеством обуславливающих фактов и конъюнктивным множеством юридических последствий. Их нельзя определить эксплицитно, но в качестве системных терминов их можно определить путем указания правил их использования⁸. От собственно *правовых понятий*, как верно считает Н.Ф. Ковкель, следует отличать *понятия закона*, которые являются особой разновидностью правовых понятий⁹. Понятия закона имеют двойственную логику-правовую природу, в связи с чем обладают как логическими, так и юридическими признаками. Понятиям закона как формам мышления присущи все характерные черты понятий, традиционно выделяемые формальной логикой. В то же время они обладают сугубо юридическими признаками, наиболее важным среди которых является «специфическая форма их объективизации — фиксация в тексте закона с помощью языковых средств»¹⁰. Следовательно, законодатель, иные правотворческие органы, а также суды¹¹ в принимаемых ими правовых актах могут использовать не только *правовые понятия*, как утверждает Л. Кэлер, но и *неправовые понятия* и *понятия закона*.

Не всегда эти понятия после юридизации (или легализации) становятся или остаются ясными и понятными, поэтому вопрос их определения приобретает первостепенное значение. Как известно, законодатель может воспользоваться общенаучными определениями, разработанными прежде всего логикой и математикой, «доктринальными дефинициями, сформулированными учеными-юристами в процессе теоретического познания права и регулируемых им отношений»¹², а также выработать свои собственные определения при условии, что они не будут нарушать общих законов и правил логики. Последние в отечественной юридической науке получили название «легальных определений (дефиниций)», т.е. «определений, данных законодателем, иными правотворческими органами, судами в при-

⁸ См.: Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Альф Росс об определении в юридическом языке. С. 223.

⁹ См.: Ковкель Н.Ф. Логика и язык закона. Минск, 2009. С. 33–34.

¹⁰ Там же. С. 34.

¹¹ Далее в тексте будет использоваться собирательное понятие «законодатель» как обозначающее собственно законодательные органы, иные правотворческие органы и суды. Делается это исключительно для удобства и простоты изложения.

¹² Ковкель Н.Ф. Указ. соч. С. 26.

нимаемых ими правовых актах, вынесенных в пределах компетенции этих органов»¹³. Эти типы определений (особенно два последних) не следует противопоставлять, потому что часто отдельные легальные определения, прежде чем найти отражение в актах законодательства, на протяжении многих лет разрабатывались в контексте юридической науки¹⁴. Вопросом, однако, является не то, как называть определения, которые используются законодателем, но то, какие определения ему следует использовать, чтобы достигнуть цели правового регулирования. Но сначала надо установить, какие определения он вообще может использовать. И это весьма непростая задача, поскольку не все типы определений могут быть использованы в юриспруденции, большинство из них были разработаны для потребностей других наук, прежде всего логики и математики. Даже такой, казалось бы, традиционный способ определения, как *per genus et differentiam*, разработанный еще Аристотелем, вызывал и вызывает в современной юридической науке острые дискуссии¹⁵.

Так о каких же определениях Л. Кэлер ведет речь? На этот счет в тексте содержится лишь краткая ремарка: «Законодатель, как правило, может воспользоваться лексическими, стипулятивными (*stipulative*) или реальными определениями»¹⁶. Л. Кэлер заимствует эту классификацию определений у Р. Робинсона¹⁷ и экстраполирует ее на правовую сферу, по-видимому, полагая, что для законодателя этих определений вполне достаточно. Но чем обусловлен такой ограниченный выбор? Возможно, тем, что эти три вида определений могут быть каким-то образом соотнесены с тремя способами использования правовых понятий, на которые указывает Л. Кэлер¹⁸. Например, законодатель мог бы воспользоваться уже имеющимися понятиями, снабдив их

¹³ *Ант Л.Ф.* Легальные определения в законодательстве и судебной практике. М., 2010. С. 33.

¹⁴ См.: там же. С. 33.

¹⁵ См., например: *Ант Л.Ф.* Дефиниции и право. М., 2008; *Тумов В.Д.* О специфике определений в юриспруденции // *Логико-философские штудии.* 2005. № 3. С. 199, где автор утверждает, что «наиболее “прозрачное” и экономное определение через указание ближайшего рода и видового отличия... большинство юристов справедливо считают основной формой юридических определений».

¹⁶ *Kähler L.* Op. cit. P. 88.

¹⁷ См.: *Robinson R.* Definition. Oxford, 1963.

¹⁸ См.: *Kähler L.* Op. cit. P. 83. Несмотря на то что сам автор об этом прямо не говорит, но исходя из логики его рассуждений это вполне можно было бы допустить.

при необходимости реальными определениями (если следует уточнить некоторые признаки понятия), мог бы внести в них необходимые изменения, применив лингвистические определения (если изменились лингвистические практики их употребления), или же разработать новые понятия с помощью условных определений.

И хотя такая интерпретация могла бы объяснить, почему Л. Кэлер ограничивается лишь тремя видами определений, но она не объясняет, почему его выбор пал именно на эти определения, даже при том, что сам автор сомневается относительно применимости реальных определений¹⁹. Его сомнения вполне оправданны, ведь определить понятие — это совсем другая процедура, нежели установить сущности вещи. Одно дело — выявить в реальном определении сущность предмета, и совсем другое дело — выявить содержание термина, признаки которого, быть может, предполагаются наличествующими в определяемой сущности. Установить признаки, мыслимые в понятии о предмете, и установить признаки предмета — это разные предприятия. Кроме того, если определение рассматривать как терминологическую конвенцию, то легальные определения в отличие от научных (или доктринальных в указанном выше смысле) будут носить номинальный характер, т.е. «они определяют значения языковых выражений, употребленных в текстах нормативных правовых актов, и служат достижению договоренности о том, в каком значении должен пониматься тот или иной знак»²⁰. Согласно этой позиции доктринальное определение *правового понятия* может быть как номинальным, если оно содержится в текстах источников права, так и реальным, если содержится в научных правовых текстах; в то время как легальные определения *понятий закона* являются исключительно номинальными²¹. Вопрос о реальности и номинальности определений хотя и важен в философии, но в юридической науке он в некотором смысле тривиален. Его вообще можно было бы снять, если во главу угла поставить не анализ юридического события, с одной стороны, и не анализ семантической нагрузки отдельных правовых понятий, с другой стороны, но когерентность и консистентность системы определений в целом. Но поскольку этот вопрос не является в подходе Л. Кэлера решающим, предлагаю перейти к анализу других определений, которыми, по мнению автора, законодатель может также воспользоваться

¹⁹ См.: Kähler L. Op. cit. P. 88.

²⁰ Ковкель Н.Ф. Указ. соч. С. 40.

²¹ См.: там же. С. 41.

ся, — стипулятивного определения (*stipulative definition*) и лексического (словарного) определения.

Весьма оригинальной представляется идея Л. Кэлера, что законодатель «может определить понятие при помощи сформулированного им самим стипулятивного определения»²². В отечественной науке стипулятивные определения не получили широкого распространения, равно как и не утвердился однозначный перевод термина *stipulative definition*. Например, Д.П. Горский переводит «стипулятивные определения» как *выборочные определения*, т.е. как «определения неизвестного нам выражения, которое употребляется в разных контекстах в различных значениях и которое предполагает процедуру выбора одного из значений, подходящих для данного случая»²³. Проще говоря, стипулятивными являются определения, в которых новым или существующим терминам придается специфическое значение в целях аргументации или дискуссии в данном контексте²⁴. Такие определения имеют форму «Под *x* здесь следует понимать то-то и то-то». Эпистемологической особенностью стипулятивных определений является то, что они не предполагают того, чтобы предписываемое ими значение было обязательно согласовано с предыдущим употреблением термина²⁵. Их основная задача — заменить сложное выражение более простым²⁶.

Интересную формулировку стипулятивных определений предложил К. Попа, которая очень удачно согласуется с идеей Л. Кэлера: «В *переквалифицирующих* (или *стипулятивных*) определениях познающий агент выступает как автономный созидатель семантических правил и норм, как индивидуальный строитель языка, адекватного определенному опыту и деятельности. В этом случае агент обладает максимумом свободы в лингвистическом конструировании, поскольку оно ограничено лишь мерой его практического и теоретического опыта, грамматическими нормами и категориями, которыми он поль-

²² Kähler L. Op. cit. P. 88.

²³ Горский Д.П. Определение: логико-методологические проблемы. М., 1974. С. 10.

²⁴ См.: Олейник П.И. Стипулятивный характер принципа Юма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 82.

²⁵ См.: Gupta A. Definitions. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2019 Edition), Edward N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/definitions/> (дата обращения: 06.07.2020).

²⁶ См.: Hurley P. A Concise Introduction to Logic, Ninth Edition. Belmont: Thomson Wadsworth, 2006. P. 87.

зуется, и, конечно, структурой предыдущих лексических соглашений, на основе которых агент сформировался как мыслящее существо»²⁷. Эта формулировка, действительно, напоминает законодателя в подходе Л. Кэлера, который при определении понятий правовых норм ограничен только своим практическим и теоретическим опытом и грамматическими правилами языка. Но это, скорее, идеальная ситуация, потому что часто бывает, что «посредством определений законодатель закрепляет собственное понимание понятий, содержание которых в правовой науке и юридической практике определено неоднозначно, и поэтому в процессе правоприменения это может порождать и порождает известные затруднения в понимании смысла, духа действующего закона»²⁸.

Так или иначе, стипулятивные определения *предписывают* значение термину в контексте того или иного правового акта в отличие от лексических (словарных) определений, которые в основном *описывают* его общеупотребимое значение. Законодателю необязательно включать в тексты законов лексические определения, за исключением, пожалуй, ситуаций, когда надо указать, какое лексическое определение среди имеющихся определений законодатель считает наиболее предпочтительным, или когда он хочет избавить субъектов права от необходимости искать значение незнакомого термина или понятия в словаре. Он может воспользоваться существующими понятиями и не заниматься «трудоемкой и порой контрпродуктивной деятельностью»²⁹ по определению и переопределению новых понятий. Л. Кэлер абсолютно прав, когда говорит, что «чем сильнее отклоняется содержание и объем правовых понятий от понятий естественного языка, тем сложнее становится их применение»³⁰. Следовательно, законодатель в процессе формулирования правовых норм всегда должен стремиться к семантической согласованности обыденного и юридического содержания используемых понятий, к их гармоничному сочетанию. Он должен находить баланс между чрезмерным усложнением формулировок правовых норм и их излишним упрощением, поскольку обе эти крайности приводят к одному и тому же результату — проблемам вывода конкретного правового следствия и однозначного применения.

²⁷ Пона К. Теория определения. М., 1976. С. 112.

²⁸ Анн Л.Ф. Легальные определения в законодательстве и судебной практике. С. 24.

²⁹ Kähler L. Op. cit. P. 93.

³⁰ Ibid. P. 94.

III

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Использование в праве реальных определений не сомнительно, как считает Л. Кэлер, но ограничено. Все зависит от того, к каким именно понятиям мы пытаемся это определение применить. Реальные определения вполне применимы для раскрытия содержания правовых или неправовых понятий в научных правовых текстах, в то время как для понятий закона, о которых Л. Кэлер преимущественно ведет речь, следует применять номинальные определения. Что касается лексических (словарных) определений, то их использование законодателем совсем не обязательно, в противном случае он будет лишь воспроизводить в законе то, что можно отыскать в словарях. Кроме того, лексические определения по определению не могут быть одновременно краткими и исчерпывающими (или полными), ибо общеупотребимые слова имеют много разных значений. И это также может влиять на их использование законодателем. Когда же широта лексического определения становится неприемлемой, тогда следует обратиться к стипулятивным определениям. Стипулятивные определения не подпадают под ограничения краткости или исчерпываемости, потому что их задача не раскрыть бесконечные разновидности фактического употребления, а скорее заменить их одним однозначным употреблением. Редко встречаются ситуации, когда слово непременно должно иметь больше одного значения³¹. Но чрезмерное увлечение законодателя стипулятивными определениями может привести к некоторым трудностям в применении и понимании определенных таким образом понятий. Еще одним важным моментом является то, что только стипулятивные определения понятий закона, которые имеют прескриптивный (предписывающий) характер, являются в чистом виде нормативными. В то время как ни реальные, ни лексические определения в юридическом смысле таковыми не являются. Будучи нормативными предписаниями, стипулятивные определения, однако, не предписывают каких-либо конкретных правил поведения субъектам права, а способствуют единообразному пониманию субъектами понятий и терминов, содержащихся в тексте закона. Л. Кэлер говорит, что «ни одно определение с нормативным влиянием не может избавить понятие от несвойственных ему признаков»³², напротив, именно стипулятивные определения понятий закона наиболее для этого приспособлены.

³¹ См.: *Robinson R.* Op. cit. P. 62.

³² *Kähler L.* Op. cit. P. 96.

Таким образом, вопрос о том, что понимается под понятиями, которые законодатель может использовать при формулировании правовых норм, тесно связан с вопросом о том, какие именно определения он может использовать для введения в оборот новых или изменения существующих понятий. Если мы разделяем тезис, что законодатель может использовать *неправовые понятия*, *правовые понятия* и *понятия закона*, то предлагаемых Л. Кэлером трех видов определений (*лексических, стипулятивных и реальных*) явно недостаточно. Не все они, как выясняется, являются эффективными и продуктивными, и лишь некоторые из них имеют нормативный характер. А потому требуется либо расширение перечня определений, либо их существенная модификация с учетом специфики области применения. Тем не менее представленный в статье Л. Кэлера подход к нормативности права является очень интересным, в некотором отношении оригинальным, хотя и не бесспорным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ант Л.Ф.* Дефиниции и право. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
- Ант Л.Ф.* Легальные определения в законодательстве и судебной практике. М.: Российская академия правосудия, 2010.
- Горский Д.П.* Определение: логико-методологические проблемы. М.: Изд-во «Мысль», 1974.
- Ковкель Н.Ф.* Логика и язык закона. Минск: Изд-во «Право и экономика», 2009.
- Оглезнев В.В., Суровцев В.А.* Альф Росс об определении в юридическом языке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 221–236.
- Оглезнев В.В., Суровцев В.А.* Аналитическая философия права: юридический язык как предмет исследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 5(322). С. 178–193.
- Олейник П.И.* Стипулятивный характер принципа Юма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 81–88.
- Попа К.* Теория определения. М.: Изд-во «Прогресс», 1976.
- Титов В.Д.* О специфике определений в юриспруденции // Логико-философские штудии. 2005. № 3. С. 197–205.
- Gupta A.* Definitions, The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2019 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/definitions/> (дата обращения: 06.07.2020)
- Hurley P.* A Concise Introduction to Logic, Ninth Edition. Belmont: Thomson Wadsworth, 2006.

Kähler L. The Influence of Normative Reasons on the Formation of Legal Concepts // Concepts in Law / Ed. by J. Hage, D. von der Pfordten. Springer, 2009. P. 81–97.

MacCormick N. Practical Reason in Law and Morality. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Robinson R. Definition. Oxford: Oxford University Press, 1963.

REFERENCES

Apt, L.F. (2008). *Definitsii i parvo* [Definition and Law]. Moskva: Akademiya (in Russ.).

Apt, L.F. (2010). *Legal'nye opredeleniya v zakonodatel'stve i sudebnoi praktike* [Legal Definitions in Legislation and Judicial Practice]. Moskva: Rossiiskaya akademiya pravovedeniya (in Russ.).

Gorskii, D.P. (1974). *Opredelenie: logiko-metodologicheskie problemy* [Definitions: Logico-Methodological Problems]. Moskva: Mysl' (in Russ.).

Gupta, A. (2019). *Definitions*. The Stanford Encyclopedia of Philosophy, URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/definitions/> (Accessed: 6.07.2020)

Hurley, P. (2006). *A Concise Introduction to Logic*. Ninth Edition. Belmont: Thomson Wadsworth.

Kähler, L. (2009). The Influence of Normative Reasons on the Formation of Legal Concepts. In: J. Hage, D. von der Pfordten, eds. *Concepts in Law*. Dordrecht: Springer, pp. 81–97.

Kovkel', N.F. (2009). *Logika i yazyk zakona* [Logic and Language of the Law]. Minsk: Pravo i ekonomika (in Russ.).

MacCormick, N. (2008). *Practical Reason in Law and Morality*. Oxford: Oxford University Press.

Ogлезnev, V.V., Surovtsev, V.A. (2018). Al'f Ross ob opredelenii v yuridicheskom yazyke [Alf Ross on Definition in Legal Language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], (41), pp. 221–236 (in Russ.).

Ogлезnev, V.V., Surovtsev, V.A. (2015). Analiticheskaya filosofiya prava: yuridicheskii yazyk kak predmet issledovaniya [Analytic Legal Philosophy: Legal Language as Subject-Matter of Study]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 5(322), pp. 178–193 (in Russ.).

Oleinik, P.I. (2017). Stipulyativnyi kharakter printsipa Yuma [Stipulative Character of Hume's Principle]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], (40), pp. 81–88 (in Russ.).

Popa, K. (1976). *Teoriya opredeleniya* [Theory of Definition]. Moskva: Progress (in Russ.).

Titov, V.D. (2005). O spetsifike opredelenii v yurisprudentsii [On Specificity of Definitions in Jurisprudence], *Logiko-filosofskie shtudii* [Logico-Philosophical Studies], (3), pp. 197–205 (in Russ.).

Robinson, R. (1963). *Definition*. Oxford: Oxford University Press.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Оглезнев Виталий Васильевич — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета.

AUTHOR'S INFO:

Vitaly V. Ogleznev — Doctor of Philosophy, Professor, Department of the Theory and History of the State and Law, Saint Petersburg State University.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Оглезнев В.В. Определение как способ формирования правовых понятий // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. Т. 15. № 3. С. 92–105. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-3-ogleznev

FOR CITATION:

Ogleznev, V.V. (2020) Definition as a Tool of the Formation of Legal Concepts. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 15(3), pp. 92–105. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-3-ogleznev